

УДК 93
ББК 63.013

ИСТОРИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК НАУЧНЫЙ НАРРАТИВ

А.Л. Стризов

Исторический текст рассмотрен в статье как способ преобразования данных исторических источников в научное знание о прошлом. Дана характеристика содержания исторического нарратива, позволяющая отличить его от художественного повествования. Показана специфика использования в историческом описании принципов развития, системности, детерминизма.

Ключевые слова: исторический текст, нарратив, методология истории, развитие, историзм, системность.

Исторический текст давно привлекает к себе внимание исследователей. Сегодня оно часто ориентировано постмодернистской логикой лингвистического поворота в методологии истории, придающей историческому тексту черты художественного повествования, ставящей под сомнение его научность и истинность. «Историки, – пишет Х. Уайт, – и хотели бы говорить буквально и ничего, кроме истины, не рассказывать об объекте своего исследования, но невозможно повествовать, не прибегая к фигуративной речи и дискурсу, который по своему типу является скорее поэтическим (или риторическим), нежели буквалистским... Историография является дискурсом, который, как правило, нацелен на конструкцию правдоподобного повествования о серии событий, а не на статическое описание положения дел» [1, с. 13]. Труд историка, создающего текст, в этом случае фактически отождествляется с литературным творчеством, а его содержательная сторона уступает место рассмотрению формальных особенностей языка и стиля изложения. Не случайно, как заметил Анкерсмит, поскольку «эстетика, как философия репрезентации, предшествует философии интерпретации и является основанием для объяснения интерпретации», следует «рассматривать историописание с точки зрения эстетики» [там же, с. 224, 231]. Как справедливо полагает И.В. Демин, «ответ, который дает нарративная историософия... не

может нас удовлетворить, так как констатация принципиального сходства историописания (создания исторических нарративов) и “художественного творчества” не позволяет понять, как возможно историческое познание и знание» [2, с. 169]. Даже если автор пытается разделить интенцию историка и смыслопорождающие эффекты нарратива, магия постмодернистского видения исторического текста оказывается сильнее и приводит его к преимущественно лингвистическому взгляду на процесс и результат историописания (см., например: [6]).

Попытаемся изменить угол зрения и подойти к анализу исторического текста с позиций неклассического понимания научной рациональности, не снимающего требования соответствия истинного знания объекту, но допускающего плюрализм истины. При таком подходе естественно-научные (позитивистские) стандарты не могут быть оценены как универсальные и единственно возможные, и вместе с тем признается активная роль ученого в процессе выбора фактического материала, формулировки проблемы, использования методов и приемов ее решения. Это позволяет нам рассмотреть исторический текст функционально, как специфический способ преобразования информации, содержащейся в исторических источниках, в научное знание о прошлом. В этом, как представляется, и состоит его гносеологическая роль в процессе конституирования истории как науки.

Такое преобразование может быть описано в трех основных аспектах, выражающих па-

раметры информации и знания: синтаксическом, семантическом и прагматическом. Сторонники нарративной методологии особое значение отводят первому и несколько меньшее – второму и третьему аспектам. Остановимся подробнее на синтаксическом аспекте бытия текста, понимая под ним логически развернутую последовательность знаков и символов.

Поскольку знание представляет собой осмысленную, усвоенную и переработанную субъектом информацию, то знакомство с текстом ставит перед нами двоякую задачу: выявить процесс кодирования информации, наделения ее смыслом, произведенным автором (историком), независимо от того, задан он фактическими данными источников или способами их организации в текст; а также сформировать собственное отношение к авторскому тексту, то есть произвести, или хотя бы обозначить попытку собственного перекодирования (переинтерпретации) представленных в нем исторических фактов. Обе процедуры анализа – и автора текста, и читателя – для нас, в сущности, идентичны: в обоих случаях сознание предлагает наделить факты источника определенным смыслом, связывая их друг с другом. Сознание читателя при этом либо принимает точку зрения автора текста, либо оппонирует ей, выполняя функцию эксперта. Если читатель является ученым, то это не просто общественная экспертиза, проверка исторического знания на гражданскую легитимность, а экспертиза научная. Подчеркнем, что и автор текста, и читатель, используя имеющиеся у них знания, могут составить собственное мнение о фактах источника исходя из презумпции добросовестности любого исследователя. Доверие к участникам научного общения – важнейшее условие существования и развития любой науки: даже для того, чтобы опровергнуть чью-то позицию, ее следует для начала принять. И первооткрыватель исторического источника, и автор, использующий уже известные науке свидетельства, и их читатель имеют равное право судить о прошлом, хотя их познавательные возможности могут существенно различаться.

При этом, коль скоро речь идет о научном тексте, важно, чтобы при сохранении мировоззренческой и методологической свободы автора и читателя между ними все же

было некоторое дисциплинирующее мышление и воображение единство в определении методов (приемов и процедур) упорядочения и представления фактов, позволяющее обеспечить объективность, верифицируемость и фальсифицируемость исторического знания. Речь идет об особой роли инструментальных конвенций в историческом знании. Роль этих конвенций в естественных науках признается всеми, и нет оснований отказывать исторической науке, как отрасли социально-гуманитарного знания, в необходимости существования и строгого соблюдения минимального (базисного) консенсуса в этой области. Сторонники лингвистического поворота, фактически отождествляя историописание с литературой, по сути дела утверждают в этой сфере безбрежную свободу самовыражения.

Смысл сказанного состоит в том, что разделение истории на эпистемологическую (объяснительно-фактологическую) и нарративную (объяснительно-интерпретационную и репрезентационную), которое практикуют сторонники постмодерна в методологии (см., например: [8]), по нашему мнению, не имеет смысла. Для Анкерсмита данное разделение является поводом заявить: «Мы больше не имеем каких бы то ни было текстов, какого бы то ни было прошлого, но только их интерпретации» [1, с. 316]. Вытекающая отсюда свобода интерпретаций означает не только замену исторической истины правдоподобием истолкований, но и отказ от обсуждения вопроса о специфике критериев этой истины. Но прежде, чем это было признано, состоялась еще одна методологическая капитуляция: превращенный в художественное повествование, исторический нарратив избавился от собственного специфического исторического содержания, от конвенций, его регламентирующих. Сторонники нарративной философии и методологии истории капитулировали перед силой риторических критериев оценки исторического дискурса и исторического текста, редуцировали к ним все его содержание и возможные критерии.

Это содержание может быть описано лишь с учетом того, что историк, подобно представителям других наук о человеке и обществе, обратится к специфике объекта сво-

его исследования. Исследуя прошлое общества, история запечатлевает в своих нарративах единство уникального, особенного и общего в динамике различных качественных состояний общества в целом, отдельных его сфер и процессов, субъектов истории и ее рядовых акторов, не претендующих на право вершить судьбы народов и государств. Устойчивый интерес к исторической антропологии и исторической социологии, казалось бы, позволяет надеяться на успех в решении задач поиска инвариантов исторического описания прошлого. Однако и сегодня в этих отраслях знания наблюдается значительный дефицит концептов и моделей, раскрывающих конкретно-историческое своеобразие доиндустриальных эпох и связанных с ними людей. И сегодня конструкты, описывающие историческое своеобразие обществ и человеческой повседневности Нового и Новейшего времени, являются калькой с понятий современной теоретической социологии. Даже применительно к обществам Европы и Северной Америки это порождает споры о корректности использования словаря социологии, например, терминов «элита», «социальная мобильность», «гражданское общество». Что же говорить об истории незападных обществ!

Показательна здесь полемика вокруг книг Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)» и «Благосостояние населения и революция в имперской России». После выхода первой работы большинство историков в целом позитивно восприняли новаторское использование приемов социологии, демографии, антропологии для описания динамики образа жизни, повседневных практик, а также макросоциальных изменений в России конца XVIII – начала XX в., хотя и выражали сомнения о правомерности применения таких подходов к обществу XVIII века [3]. Вместе с тем те же приемы количественного анализа, использованные автором во второй книге для создания идеологизированного нарратива, были подвергнуты достаточно жесткой и справедливой критике как односторонне и даже искаженно характеризующие реальное положение населения [4]. Рассмотрение прошлого в антропологическом, социологическом, демографическом аспектах делает его изоб-

ражение объемным и целостным, создавая в то же время риски модернизации прошлого, произвольного подбора и интерпретации статистических данных в духе политической конъюнктуры. Попытка создать теоретический – в данном случае состоящий из данных трех наук – каркас исторического нарратива, давая приращение знания о прошлом, отнюдь не гарантирует его объективности и истинности.

В то же время, если мы признаем, что прямая экстраполяция языка и смыслов современной социологии не может быть продуктивна за пределами обществ модерна (индустриальных обществ), это не будет означать невозможность социологических (теоретических) концепций, отражающих реалии Средневековья, Древнего мира, обществ Востока, Африки или Латинской Америки в Новое и Новейшее время и служащих основой для построения исторических нарративов разного темпорального и пространственного масштаба. В методологическом плане подобные концепции, использующие данные теорий среднего уровня, вырастающих из непосредственного обобщения и истолкования социальных фактов, будут исторически корректны и эвристичны лишь при их опоре на общенаучные или специфические для социально-гуманитарных наук философско-методологические основания. К таким основаниям можно отнести общенаучные принципы развития, детерминизма, системности, конкретизированные к материалу социально-гуманитарных наук.

Рассмотрим, какие рамки построения теоретических инвариантов исторического нарратива задают эти принципы. Поскольку историческое описание развернуто во времени, то его содержание должно определяться требованиями принципа развития, конкретизацией которого является принцип историзма. Представляя собой характеристику сменяющих друг друга во времени состояний общества, историческое описание выделяет в процессе изменений ряд хронологических этапов, каждый из которых приобретает впоследствии содержательно-смысловую наполненность. Важно иметь в виду, что темпоральный масштаб исторического повествования является оптимальным лишь в том случае, если он позволяет выделить не менее трех этапов и соответственно качественных состояний объек-

та. Лишь в этом случае мы можем различить случайные (разовые) повторения событий от устойчивых (многократных) проявлений скрытых исторических тенденций. Осознание этого различия дает нам возможность построения исторических параллелей, открывающих путь к обобщениям, фиксирующим повторяющееся (закономерное) в историческом процессе. Но даже если историческая параллель не выдерживает испытания на всеобщность, любая аналогия представляется для исторического познания эвристически значимой, поскольку является одним из механизмов порождения нового смысла (см. подробнее: [6, с. 112–113]).

Увеличение темпорального масштаба исторического нарратива имеет под собой еще одно основание. В свое время историки гегелевской философии справедливо критиковали умозрительный характер известной триады «тезис – антитезис – синтезис» на том основании, что она огрубляет, спрямляет реальный процесс развития. То же самое можно сказать и о схеме, предлагаемой нам классическим историзмом: прошлое – настоящее – будущее. Процессы исторической действительности, как правило, не вписываются в схему триады, давая нам огромное разнообразие вариантов числа и последовательной смены различных этапов. Не случайно даже дискурсивные стратегии историописания (сказание, притча, биография), равно как и литературные жанры (трагедия, комедия, фарс), к которым часто апеллируют сторонники лингвистического поворота, часто не укладываются в классическую сюжетную схему: завязка – кульминация – развязка.

Театрально-драматургические метафоры описания исторического процесса имеют то преимущество, что они порывают с его натуралистическим, безлично-эволюционным истолкованием и подчеркивают роль человеческих действий: борьбы, согласия, выбора и смирения с обстоятельствами. Полнота содержания исторического нарратива предполагает включение в него характеристики механизма перехода от одного этапа изображаемого процесса к другому: мотивированный выбор целей и средств исторического действия основными участниками событий, раскрывающее имевшиеся варианты развития,

позволяющее судить о мере оптимальности сделанного выбора и упущенных возможностях. Не менее важен и другой аспект анализа: соотнесение выбора ключевых исторических субъектов с поведением других свидетелей и участников, дающего представление о массовости, типичности, масштабе исторического движения. С учетом этого можно ставить вопросы о стихийности процесса перехода и мере осознания людьми прошлого своих интересов и всего происходящего. Еще одна существенная сторона рассмотрения перехода от одного исторического этапа к другому состоит в том, что ученый свободен в выборе круга лиц и структур, создающих ансамбль исторического действия, в характеристике их места и роли в нем. Однако научные требования системности и логичности знания заставляют нас включить в содержание нарратива реальные исторические результаты действий субъектов и акторов, объяснение их происхождения и меры соответствия первоначальным планам и замыслам инициаторов изменений. В то же самое время очевидно, что любое рассмотрение человеческих поступков, субъективного выбора, принятия решения, возложения на себя ответственности, столкновения с их неизбежными и случайными последствиями выходит за рамки бесстрастного научного дискурса, обращает нас к прагматике истории, ее опыту и урокам.

Выделенные нами аспекты анализа исторического перехода как результата сознательного выбора субъектов истории – целеполагание, конкуренция разных целей, сопоставление желаемого и достигнутого – в принципе довольно легко могут быть вписаны в жанровые формы художественного повествования, придавая ему интригу и драматизм. В то же время они являются необходимыми моментами рационализации истории, наполнения ее смыслом. Уже сама логика объективного развертывания фактов во времени задает истории определенный смысловой вектор. Однако все богатство его содержания, его культурная значимость и экзистенциальная наполненность может быть выявлена лишь сквозь призму анализа целеполагающей исторической деятельности людей. Художественные приемы исторического повествования способны не только обнажить смысл собы-

тий прошлого, но и подчеркнуть их дидактические моменты.

Желание воскресить прошлое во всей его полноте традиционно приводило исследователей к созданию многоплановой, многоаспектной картины исторической действительности, из-за чего собственно историческое тонуло в деталях, мелких сюжетных подробностях. В то же время комплексный, разносторонний подход к историческому описанию был обусловлен стремлением уйти от плоского, одномерно-идеологического, линейно-прогрессистского взгляда на прошлое. Большинство историков едины в том, что историческое описание, как правило, является описанием совокупности нескольких взаимодействующих фактов. К тому же практически каждый факт может быть разделен на несколько более простых составляющих, так что предел подробности описания в каждом случае различен. Таким образом, возникает вопрос о мере детализации исторического повествования, поскольку односторонность пагубна, а всесторонность недостижима. Если предел точности задается характером и информативностью исторических свидетельств, то как определить предел обобщения, группировки фактов в структурно-событийные элементы?

Мера, о которой идет речь, задается представлением о целостности объекта анализа, то есть общества. Как точно замечает В.Н. Сыров, построения историка основаны на некой **реальной ситуации** (выделено нами. – А. С.), требующей по возможности точной и глубокой интерпретации [5]. С одной стороны, социальная ситуация представляет собой уникальное стечение обстоятельств, с другой – систему, органическое единство синхронно взаимодействующих факторов (фактов). Целостность ситуации может быть представлена различным образом: как формационная целостность институтов (структур); как цивилизационная целостность практик и технологий; как социокультурная целостность исторической эпохи (стиля) или повседневности (образа жизни). Мера конкретизации задается здесь соответствующими теоретическими моделями формации, цивилизации и культуры. Предел абстрагирования в моделировании ситуации представляет философский подход, разделяющий все многообразие исто-

рических факторов на объективные и субъективные, что позволяет описать социальные трансформации (войны, реформы, революции). Теоретические модели задают своеобразный жесткий каркас описания ситуации, определяя необходимое количество его элементов (параметров). С другой стороны, открытость исторической ситуации, возможность включения в нее все новых фактов ограничивается лишь мастерством историка, способностью выявить и показать органическую взаимосвязь выделяемых факторов.

Глубина ситуационного описания достигается в истории так же, как и в других социально-гуманитарных науках: подробностью погружения в культурный контекст, способностью историка при сохранении определенной, задаваемой моделью, логики описания находить и фиксировать в нем все большее количество новых уникальных деталей и значимых смыслов. Формационный нарратив исторической ситуации наиболее схематичен и сух: логика взаимодействия экономических социальных политических и духовных институтов и процессов допускает ограниченное разнообразие вариантов. Но и здесь открывается возможность выявить оптимальное, или, напротив, лишенное баланса взаимодействие в истории экономического и политического, социального и духовного начал, что позволяет зафиксировать и осознать исторический опыт решения макро-социальных задач. Цивилизационный нарратив в большей мере насыщен конкретными, в том числе бытовыми, деталями, поскольку системы технологий и коммуникаций, формы общения, образ и стиль жизни, конституирующие цивилизацию, охватывают не только общество в целом, но и сферу индивидуальной, частной жизни. Возможности выявления исторического опыта здесь заметно расширяются, охватывают широкий спектр инструментально-технологических проблем, приобретают персонализированный характер. Наиболее содержательным и глубоким является социокультурный нарратив, затрагивающий нагруженные смыслом культурные традиции, мотивы поступков, экзистенциальные ценности человеческого бытия. Социокультурный нарратив фиксирует в истории взаимодействие утилитарного и не-утилитарного, творческого и репродуктивного, массовидного и элитарного. Именно в такой си-

стеме координат может быть осознан опыт истории, как опыт выбора, приводящего к определенным общественно и индивидуально значимым результатам.

Способность создавать содержательные нарративы исторических ситуаций выступает важнейшим условием построения параллелей в истории, выявления в ней как повторяющегося, инвариантного, так и уникального, своеобразного. Синхронность фактов, раскрывающаяся в ситуационном анализе, лишь одно из проявлений темпорального единства в истории. Гораздо интереснее и насыщеннее смыслами синхронность процессов, которую можно наблюдать при сопоставлении исторических описаний. Подобно тому, как в художественном произведении наблюдается параллельное разворачивание разных сюжетных линий, так и в историческом описании, правда фрагментарно, может присутствовать сопоставление процессов, одновременно протекающих в разных локальных пространствах. Не менее значимы сравнения асинхронных процессов, например биографий исторических деятелей, описаний истории изобретений и открытий, истории военных операций и кампаний различных эпох. Выше мы говорили о роли аналогий как одной из форм сравнения в процессе рождения новых смыслов. Синхронные и асинхронные сравнения, выявляющие различия, в своей совокупности позволяют глубже осознать и точнее зафиксировать уникальность исторического явления, без чего трудно представить себе любой исторический нарратив. Кроме того, с философско-методологической точки зрения синхронные и асинхронные сравнения представляют собой локализацию объекта в пространстве и времени, что является универсальным познавательным приемом. Все это позволяет утверждать, что синхронные и асинхронные сравнения являются неотъемлемым элементом содержания исторического нарратива.

Таким образом, рассмотрев синтаксический аспект преобразования первичной информации источников в тексте, мы выделили ряд необходимых моментов содержания исторического нарратива, позволяющих избежать произвольности его толкования, ставящей под вопрос научность истории. К ним, как мы полагаем, можно отнести: развернутую периодизацию во времени; выявление меха-

низма исторического выбора, посредством которого осуществляется переход от одного этапа процесса к другому; характеристику исторических этапов и состояний объекта как целостных ситуаций в системном единстве объективного и субъективного, необходимого и случайного; наличие системы сравнений как средства выявления типичного и уникального. Подчеркнем, что выделенные нами содержательные требования вполне согласуются с использованием приемов и форм художественного повествования. Они не устраняют творческое начало из процесса историописания, а ограничивают автора исторического текста в его стремлении домысливать реальность прошлого, подобно тому, как правила построения гипотез ограничивают воображение ученого в выдвижении предположений, отличая его от полета фантазии художника.

В заключение отметим, что синтаксический аспект преобразования информации в историческом тексте в научное знание о прошлом тесно связан с семантическим и прагматическим аспектами. В статье мы касались отдельных сторон смысловой направленности исторического повествования, а также выявления практической значимости прошлого, опыта истории. Однако эти темы требуют специального рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анкерсмит, Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф. Р. Анкерсмит ; пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.
2. Демин, И. В. Проблема соотношения исторической реальности и исторического нарратива в нарративной историософии Х. Уайта и Ф. Анкерсмита / И. В. Демин // Научный молодежный ежегодник. – Самара, 2008. – Вып. III, ч. 1. – С. 158–169.
3. Россия в истории: от измерения к пониманию. Новая книга Б. Н. Миронова в откликах и размышлениях его коллег // Отечественная история. – 2011. – № 1. – С. 145–197.
4. Согрин, В. В. Клиотерапия и историческая реальность: тест на совместимость / В. В. Согрин // Общественные науки и современность. – 2002. – № 1. – С. 144–160.
5. Сыров, В. Н. Современные перспективы философии истории: поворот к нарративу / В. Н. Сыров. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://>

/siterium.trecom.tomsk.ru/Syrov/s_text12.htm#Up. – Загл. с экрана.

6. Троицкий, Ю. Л. Что такое «правда Истории»? : (Самопорождение смысла в историографическом тексте) / Ю. Л. Троицкий // *Общественные науки и современность*. – 2010. – № 1. – С. 105–113.

7. Уайт, Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 527 с.

8. Феллер, В. Введение в историческую антропологию / В. Феллер. – М. : КноРус, 2005. – 359 с. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://vf.narod.ru/istant/partI/gl2.htm>. – Загл. с экрана.

HISTORICAL TEXT AS A SCIENTIFIC NARRATIVE

A.L. Strizoye

The article deals with a historical text as a way of transformation of the data of historical sources into the scientific knowledge about the past. The author gives the characteristic of historical narrative which allows differentiating it from an artistic narrative. The author shows the specific character of the use of development principles, systematism and determinism in historical narrative.

Key words: *historical text, narrative, methodology of postmodern history, development, historism, systematism, historical choice, historical situation.*